

*ФАНЕНШТИЛЬ Татьяна Владимировна, старший преподаватель кафедры философии и социологии Алтайского государственного технического университета имени И.И. Ползунова (г. Барнаул). Автор 22 научных публикаций, в т. ч. двух учебных пособий**

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ АНАЛИЗА ПОВСЕДНЕВНОСТИ И ЕЕ ХАРАКТЕРИСТИК В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

В данной статье рассматриваются особенности влияния различных постулатов и тезисов на социально-философский анализ повседневности и ее характеристик. Для выявления границ противоречивого содержания повседневности автор предлагает использовать парное противопоставление характеристик, выявляемых в последовательном применении различных междисциплинарных методов. Противопоставляются статичная и динамичная характеристики повседневности (структурный метод, разработанный Ф. Броделем, и социологическая феноменология А. Шюца). В этом противопоставлении осуществляется переход от содержательного ядра повседневности к вопросу о роли конкретного субъекта в воспроизводстве повседневного опыта. В рамках понимающей социологии М. Вебера и социального интеракционизма И. Гофмана вместе с указанным вопросом проблематизируются свобода выбора конкретного субъекта и границы персонификации при воспроизводстве повседневного опыта. Несмотря на существенные шаги в сторону динамизации повседневного опыта, при его анализе в сущностном его определении сохраняется перевес в пользу структурности и статичности. Философская феноменология Э. Гуссерля, применяя интерсубъективность для анализа повседневности, также поддерживает это соотношение. Теория практик М. де Серто и теория речевых актов Дж. Остина, напротив, отрицают контекстуальную зависимость повседневности, обосновывают ее как изобретение, использование. Автор данной статьи отмечает ключевую зависимость анализа повседневности и ее характеристик от применяемой базы социально-философских постулатов и тезисов смежных дисциплин. Такая зависимость позволяет рассмотреть взаимную диалектическую обусловленность процессов выявления границ применения вышеуказанных методов в анализе повседневности и противоречивости ее содержания через анализ характеристик повседневности.

Ключевые слова: *повседневность, статичная характеристика повседневности, динамичная характеристика повседневности, повседневный опыт.*

*Адрес: 656038, Алтайский край, г. Барнаул, просп. Ленина, д. 46; e-mail: fanenshtil.t.v@mail.ru

Для цитирования: Фаненштиль Т.В. О некоторых особенностях анализа повседневности и ее характеристик в социальной философии // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. № 5. С. 96–103. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.5.96

Исследование повседневности в социальной философии является сегодня сравнительно новым направлением, активно формирующим свою методологическую базу и категориальный аппарат. В данной статье мы задаемся целью рассмотреть особенности влияния применения различных социально-философских постулатов и тезисов на процесс категоризации повседневности и ее характеристик.

Сегодня в философии можно выбрать разные пути изучения повседневности: одни исследователи будут отстаивать так называемую чистоту исследований, иные же будут настаивать на необходимости междисциплинарности. Здесь мы выражаем согласие с точкой зрения В.С. Барулина [1] о том, что предмет во многом сам диктует свой путь, однако его принципиальные границы являются заранее обозначенными. Например, эти границы могут быть заданы самой методикой социальной философии, строящейся по определенным ступеням: дистанцирование, выявление оснований (происходит это тогда, когда наличные формы жизни, на которые данные основания опираются, перестают удовлетворять), критика выявленных оснований, перспектива для поиска и формулирования новых оснований [2]. Конструктивная философская работа в таком русле сводится к осознанию границ и возможностей человеческой активности, что уже само по себе базируется на постулатах о невозможности беспредпосылочной активности человека, об осмысленности и целерациональной направленности его деятельности. Это выступает некоторым препятствием для исследования повседневности, действующей на уровне установки естественности, а значит, безусловности, реальности происходящего.

Если под предметом социальной философии подразумевается сегодня выявление и критический анализ оснований, под объектом ее рефлексии – дискурс социальных наук, то в случае с повседневностью социальная философия оказывается в затруднительном положении, т. к. дискурс о повседневности только создается на основании самой практики жизни.

При отсутствии дискурсивного поля для исследования и наличия поля восприятия возникает трудность категориального и структурного «перевода». Рассматривать повседневность целостно, как предмет – это значит перевести или даже создать понятийный аппарат того, что воспринимается как целостное, а не мыслится (не осознается). При так называемом переводе возникает разрушение схемы, структуры, т. е. ее необходимо создавать заново. В сущности, разум создает здесь то, чего нет в системе восприятия, но что делает это доступным разуму.

Противопоставление сущностных характеристик повседневности мыслится как оптимальный способ демонстрации противоречивости ее содержания. Это заранее может объясняться таким разнообразием стилей и подходов к изучению данной темы, что попытка рассмотреть ее целостно сегодня неизбежно осуществляется в контексте междисциплинарной системы методов.

Актуальным и показательным в процессе формирования поля дискурсивности повседневности предстает исследование Ф. Броделя [3], которое он провел, обратившись к повседневным документам в архивах Европы, создавая по этим крупницам структуры прежней материальной культуры. Однако, учитывая принципиальную нерационализируемость повседневности и при этом выделяя ее структуры, можно разобраться в ее содержании и функционировании лишь на поддающуюся рационализации долю. Структура повседневности во все не есть нечто незыблемое, раз и навсегда данное. Скорее, это попытка схватить содержательное ядро повседневного уровня взаимодействия социальной реальности и субъекта с целью разобраться в нем. Так, Ф. Бродель выделяет экономические структуры материальной культуры определенного исторического периода, потому что может это сделать на основании оставленной и сохраненной архивами экономической документации. Тем более что он указывает на изменчивость этих структур (пусть медленную, но все же). Нам представляется необходимым подчеркнуть различие между кажущейся инертностью и структурным

методом, пользуясь этой кажимостью, однако не позволяющим осуществлять познание.

Историку не под силу спуститься дальше, чем это сделал Ф. Бродель, но социолог способен. А. Шюц мыслит повседневность структурно, но иначе: как то, что не является самой структурой, а постоянно воспроизводит структуру, и совершают это субъекты [4]. Поэтому он может говорить о роли конкретного субъекта в становлении глобальных структур социальной реальности. Однако здесь демонстрируется уже не статика, но динамика повседневности и то, что ее содержание – вовсе не застывшая глыба опыта и ценностей, титанической мощью давящая на человека, а в чем-то хрупкий и зависимый от конкретного человека процесс или опыт, требующий постоянного воспроизводства, адаптации существующего опыта к меняющимся условиям живой конкретики, обновления. А. Шюц также использует определенные рамки в своем подходе к исследованию повседневного взаимодействия: естественность человека он обуславливает социализирующей его «мы-группой», тем культурным окружением, за маской которого продолжает скрываться общий контекст социальной реальности.

Анализ повседневности в социальной философии пребывает в границах ее тезисов и постулатов, например о неизбежности природных оснований человека, об отсутствии природной эволюции в культуре, т. е. когда природа человека трактуется как застывшая. Методологические рамки выстраивают определенные стратегии при изучении микроуровня повседневного взаимодействия. Среди них – принцип верификации реальности социального на основании реальности его последствий; на данном принципе, по сути, и строится теория И. Гофмана [5] о повседневном опыте, возможностях фабрикаций и переключений при его формировании. В социальной ситуации различимы три взаимосвязанных элемента: объективные условия (социальные нормы и ценности); установки индивида и группы; определение ситуации действующим лицом. Именно последний элемент предполагает момент субъектного

выбора. Таким образом И. Гофман спускается на микроуровень анализа повседневного опыта и предоставляет субъекту ту самую свободу выбора в микроситуации.

Аналогичный момент можно обнаружить в способах «оповседневнивания». Так, В.Н. Сыров [6], интерпретируя понимающую социологию М. Вебера, называет следующие способы: персонификация как превращение понятия в образ; реификация как превращение структур и процессов идеализации в вещи и ситуации; рецептуризация как превращение предмета в список способов обладания им. Понимание и трактовка этих процессов отражаются на понимании взаимодействия социальной реальности и субъекта, на роли и возможностях субъекта в построении данных взаимоотношений, в частной попытке определить социальную ситуацию. Причем ни рецептуризация, ни реификация не подчеркивают значимость роли субъекта в этом взаимодействии так, как это делает персонификация.

В продолжение темы использования постулатов в анализе повседневности, прослеживая линию контекстуальности и важности роли субъекта в построении повседневных взаимоотношений, мы обратимся к интересности, выявление которой осуществило переворот оснований социального интеракционизма. А также переиначило основы конституирования мира, способы частного определения повседневной ситуации, повлияло на концепцию «значения как употребления» в феноменологии Э. Гуссерля [7].

Отталкиваясь от телесной и сознательной интенциональности, Э. Гуссерль приходит к интересности как основополагающей линии процесса смыслоконституирования мира. На фоне исторического характера интересности субъект лишь продолжает рассказывать историю, но не начинает ее. Историческая традиция определяет его пассивную позицию, универсализирует его опыт. В структурном подходе к анализу опыта материальной культуры и выделения структур повседневности универсализация, или коллективная линия, играет роль исторического предела для индивидуальной

линии субъекта. Здесь повседневный опыт и алгоритм поведения определяются системной неизбежностью условий действия. Интерсубъективность, хотя она и содержит отсылку к субъекту, по-прежнему подразумевает общий контекст и его значительное, т. е. определяющее влияние на построение повседневных взаимоотношений. Противопоставлением здесь оказывается высказывание в повседневном действии и поведении, в повседневных практиках намеков на креативность и самостоятельность в выборе со стороны субъекта. Поэтому придется спуститься еще ниже – на уровень анализа речевых повседневных актов, тактик и вещей.

Теория речевых актов Дж. Остина не только выводит исследование повседневности за границы гносеологии, но и спускается на уровень трактовки слова как действия – на иллюкутивный уровень логики, трактующей речевые акты субъекта как интенциональные действия [8]. От контекстуальности повседневности и перформативности значения Дж. Остин переходит к медиальности повседневности и коммуникативному смыслу речевого слова, а далее – к использованию слова как действия.

Креативный потенциал использования и важность субъектной роли в повседневности подчеркивается также М. де Серто в анализе повседневных практик [9]. Здесь уместно сослаться на тезис М. Хайдеггера о том, что вещи различаются как наличные и подручные; последние и называются повседневными. Именно использование подручных вещей символизирует своеобразный отход от потребительской бездумной трактовки повседневного действия, что предполагает момент выбора и конкретики творчества в этом выборе. Таким образом против статичности повседневности вновь выстраивается проявление ее динамики. Здесь повседневность, скорее всего, уже не будет связываться с более стабильными природными и социальными институтами, но будет мыслиться целостно и отдельно, под ней будет подразумеваться то, границы чего размыты – поле или уровень, – и чье содержание противоречиво. Это может объясняться как сущностью исследуемого предмета,

так и особенностями дискурсивности, эклектичностью накопленного научного опыта, что социальная философия пытается объединить своей рефлексией.

Стратегии исследования М. де Серто [9], когда он обосновывает сущность повседневных практик не как потребление, а как изобретение, во многом соотносятся с признанием значения как употребления, а не его всецелой контекстуальной зависимости. Трактовка языковых практик, да и сам «прагматический поворот», – все это способствует выявлению новых характеристик повседневности или обновлению понимания уже известных. Среди них – контекстуальность, анализ которой исходит из того, что элементарной единицей мира является факт, а не вещь (по аналогии с языком, элементарной единицей которого является предложение, а не понятие).

Анализ повседневности как несущественного и внешнего способен привести к пониманию действительности социальных взаимодействий, что, в свою очередь, может дать ясную картину представления о поле, где вероятно осуществление глобальных возможностей, однако это должно заранее оговариваться. Это должно строиться на очевидности того факта, что, концентрируясь на атрибутах изучаемого объекта, мы сосредоточиваем свое внимание на важном, но вместе с тем ограничиваем себя от целостного исследования объекта. А различия между атрибутами и внешними свойствами могут быть существенными и касаться возможного и действительного.

Кроме контекстуальности повседневности также подводит нас к фактичности значения медиальности повседневности – через обращение к повседневным языковым практикам. Фактичность вскрывается в связи с толкованием повседневного слова как действия. Подручность здесь распространяется дальше вещи. Однако в ней по-прежнему – в духе М. де Серто – можно обнаружить творческий мотив повседневности. Но это качество может проявлять себя и обратным образом – как контекстуальность мира подручного. Для вещи – это пригодность

для того или иного действия, разворачивающегося для некоторой цели¹.

М. Хайдеггер различает подручное и наличное: первое дано в интегрирующем обращении или использовании, второе – в изолирующем восприятии [10]. Именно нарушение нетематичности, незаметности подручной вещи (И. Гофман так пишет обо всем повседневном опыте) приводит к трансформации «способа бытия» вещи из подручной в наличествующую, а это уже ситуативно нарушенное восприятие, скорее даже его исключение. И тогда более понятной становится фактичность значения, которая производится конкретикой ситуации: смысл предложения каждый раз определяется единичным контекстом, в связи с чем значение слова или выражения не может быть определено в общем.

Так значение в прагматической семантике превращается в форму речевой практики. В повседневной фоновой практике значение не просто определяется единичным контекстом; конкретика его определения трактуется процессуально, как действие. Речь идет о еще перформативности значения, которая при исследовании повседневности становится связанной с постулатом М. Мерло-Понти о производстве повседневности от первого лица. А отсюда она оказывается связанной и с самоинтерпретацией в повседневности, а также невозможностью слепо следовать правилу (Л. Витгенштейн), применять без самоконтроля рецепт «мы-группы» (А. Шюц), природно читать первичный одноканальный фрейм в ситуации (И. Гофман). Здесь мы обнаруживаем особенность расстановки интересов вхождения в повседневное взаимодействие социальной реальности и субъекта в зависимости не только от применяемого метода, но и от способа его интерпретации. Получается, следование правилу – это некая практика.

«Правило, а вместе с тем значение, представляет собой событие, которое происходит при нашем участии и которое мы можем заметить и описать только в перспективе участника: по ходу дела или вспоминая о нем» [11, с. 69].

Перформативность значения, проявляющая себя в повседневных языковых практиках, позволяет различить две группы нарушений, или переключений (как их называет И. Гофман), в получении первичного контекста взаимоотношений природного и социального в конкретной ситуации. Первая группа – подручных нарушений – основана на несоответствии усвоенных знаний и действительности здесь-и-сейчас; вторая группа – наличествующих нарушений – базируется либо на не соответствующих ситуации знаниях субъекта, либо на отсутствии адекватных ситуации знаний². Событие имеет определенную конкретику, локализовано во времени; диспозиция же выступает как статистическая закономерность. Здесь вновь своеобразно сталкиваются в своем проявлении статичная и динамичная характеристики процесса получения повседневного опыта.

Через телесность человека проявляет себя такая характеристика повседневности, как естественность. Она мыслится как антипод искусственности, фабрикации. В.Н. Сыров предлагает рассматривать проявление естественности повседневности как процесса воспроизводства структур универсального опыта по принципу наглядности. Также он называет наглядность ее исторической характеристикой и предлагает отличать от непосредственности и чувственного познания. Поэтому уместнее говорить об «эффекте реальности», а не о самой реальности, т. е. об «эффекте присутствия», «эффекте наглядности» [6]. Это позволит не употреблять каждый раз «искусственное» в повседневности

¹Е.В. Борисов, В.А. Ладов и В.А. Суровцев в своей монографии указывают на трехмерную систему отсылок от вещи: к другой вещи, действию, для которого эта вещь пригодна, и цели, ради которой это действие предпринимается. Эта система, как указывают авторы, конститутивна для вещи и образует способ ее бытия, который является, с точки зрения Л. Витгенштейна, совокупностью свойств вещи [11].

²Различение подобных групп и специфика акцентирования в них актуализируют аристотелевское понимание истины.

как созданное самим человеком, что является важным, т. к. повседневность постоянно лавирует, пусть и на социальной почве, между природным и культурным. Наглядность повседневности приводит к понятности, которая, в свою очередь, приводит к полезности – целевой установке, не обязательно осознаваемой и рационализируемой участниками повседневности, но подразумеваемой естественно.

Если свобода, по Г.В.Ф. Гегелю, есть осознанная необходимость, то забота о теле – это неосознаваемая субъектом необходимость, правило игры существования в наличном мире, которое должно быть принято и забыто. И потому оправдывает себя позиция исследователей, не желающих видеть на уровне повседневного взаимодействия потребление как единственный способ выжить, а ищущих первичный элементарный творческий порыв. Рефлексия по поводу того, что должно быть неосознаваемо, выстраивает искусственные рамки понимания естественного: то, что впоследствии должно быть изжито, если мы возвращаемся в среду, и то, что должно сохранять свои намеренные «специальные» рамки, если мы остаемся в пределах научного и философского дискурсов.

Означивание – естественный процесс социального существования человека, потому неудивительно, что ему подлежит и природное в человеческой сущности, контекстуально зависимое от социального. На это же неявно указывал И. Гофман в своих исследованиях повседневного опыта – оно звучит почти в каждой строчке выводов в его работах. Указывал на то, что первичные слои чтения социальной ситуации, которые мы называем природными, таковыми никогда уже не будут являться и никогда не являлись, возникнув в современности, в ключе социальной реальности. Это первичный, природный, слой чтения всегда социального бытия: ни прием пищи, ни очищение организма, ни гигиена, ни безопасность не выключаются из вторичного, социального, контекста.

Рассуждая о статусе и структурах повседневности, ряд исследователей высказывает мнение о том, что для перевода проблематики

повседневности за гносеологические рамки необходимо тематизировать повседневность в порождающем, конституирующем, конфигурирующем отношении – через присутствие. Здесь можно осторожно говорить о повседневности как способе освоения мира или способе человеческой активности, но в таком случае возникает вопрос: позволит ли это проявить специфику содержания повседневности через противопоставление присущих ей качеств? Более верным нам видится направление, развиваемое А. Шюцем [4], а также обращение к повседневности как постоянно воспроизводимой субъектами структуре, т. е. совокупности процедур конфигурации и реконфигурации. Тогда повседневность выступает как процесс кодификации, как своеобразная машина по производству значений, созданию и преобразованию всевозможных социальных объектов и отношений.

В ходе категоризации повседневность нередко трактуется в свете глубины либо поверхности освоения мира, или как степень выражения самости конкретного субъекта, или процессуально через перформативность значения, или налично через фактичность значения. Данные пути часто противоречат друг другу. При этом в большинстве представленных исследований первичной установкой служит стремление рассмотреть изучаемый предмет целостно, последовательно, избегая подобных противоречий и недочетов.

Следующая концептуализация: «...интенциональность как онтологическая структура Гуссерля <...> со-бытие как фундаментальный экзистенциал вот-бытия Хайдеггера <...> тело в понимании Мерло-Понти <...> указывает на изменение понимания смысла трансценденции и онтологической природы самого “Я”, на его неотъемлемую взаимосвязь и отношение с “Другим”...», а также определяет существенные характеристики повседневности как социального взаимодействия субъекта с общественным миром [12, с. 42–43]. Считаем, что не следует отказываться от постоянно возникающих противоречий в целостном исследовании повседневности. Изучая повседневность как

вид взаимоотношений социальной реальности и субъекта, т. е. процессуально, мы убеждены, что последовательное выявление противоречий позволит обнаружить содержание повседневности. Противопоставление характеристик повседневности представит этот уровень вза-

имодействий в совершенно новом и продуктивном для социально-философского дискурса ракурсе, а именно: как активное производство, как фундамент жизни, имеющий творческое начало и предполагающий у конкретного субъекта возможность выбора.

Список литературы

1. Барулин В.С. Основы социально-философской антропологии. М., 2002. С. 332–367.
2. Сыров В.Н. Философская экспертиза: от метафоры к понятию // Философия образования. 2013. № 1(4). С. 125–137.
3. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVII вв. М., 1986. Т. 1. 624 с.
4. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А.Я. Алхасов, пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой, науч. ред. пер. Г.С. Батыгин. М., 2003. 336 с.
5. Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М., 2003. 752 с.
6. Сыров В.Н. О статусе и структуре повседневности (методологические аспекты) // Личность. Культура. Общество. 2000. Т. 2. С. 147–159.
7. Гуссерль Э. Избранные работы / сост. В.А. Куренной. М., 2005. 464 с.
8. Остин Дж.Л. Избранное / пер. с англ. Л.Б. Макеевой, В.П. Руднева. М., 1999. 332 с.
9. de Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб., 2015. 330 с.
10. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. В.В. Библихина. М., 1997. 452 с.
11. Борисов Е.В., Ладов В.А., Суровцев В.А. Язык, сознание, мир. Очерки компаративного анализа феноменологии и аналитической философии. 2010. URL: <http://huminf.tsu.ru/files/ladov/monography.pdf> (дата обращения: 01.09.2016).
12. Эннс И.А. Основания и способы тематизации феномена интерсубъективности в современной философии // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2008. № 1(2). С. 38–43.

References

1. Barulin V.S. *Osnovy sotsial'no-filosofskoy antropologii* [Fundamentals of Socio-Philosophical Anthropology]. Moscow, 2002, pp. 332–367.
2. Syrov V.N. *Filosofskaya ekspertiza: ot metafory k ponyatiyu* [Philosophical Examination: From Metaphor to Concept]. *Filosofiya obrazovaniya*, 2013, no. 1, pp. 125–137.
3. Braudel F. *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVII vv.* [Material Civilization, Economy and Capitalism, 15th – 17th Centuries]. Moscow, 1986. Vol. 1. 624 p.
4. Schütz A. *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoy sotsiologii* [The Semantic Structure of the Everyday World: Essays on Phenomenological Sociology]. Moscow, 2003. 336 p.
5. Goffman I. *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. Boston, 1986 (Russ. ed.: Gofman I. *Analiz freymov. Esse ob organizatsii povsednevnogo opyta*. Moscow, 2003. 752 p.).
6. Syrov V.N. *O statuse i strukture povsednevnosti (metodologicheskie aspekty)* [On the Status and Structure of Everyday Life (Methodological Aspects)]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*, 2000, vol. 2, pp. 147–159.
7. Husserl E. *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Moscow, 2005. 464 p.
8. Austin J. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow, 1999. 332 p.
9. de Certeau M. *L'Invention du Quotidien. Vol. 1. Arts de Faire*. Union generale d'editions, 1980 (Russ. ed.: Serto de M. *Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskustvo delat'*. St. Petersburg, 2015. 330 p.).
10. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and Time]. Moscow, 1997. 452 p.

11. Borisov E.V., Ladov V.A., Surovtsev V.A. *Yazyk, soznanie, mir. Ocherki komparativnogo analiza fenomenologii i analiticheskoy filosofii* [Language, Consciousness, World. Essays on the Comparative Analysis of Phenomenology and Analytical Philosophy]. 2010. Available at: <http://huminf.tsu.ru/files/ladov/monography.pdf> (accessed 1 September 2016).

12. Enns I.A. Osnovaniya i sposoby tematizatsii fenomena intersub'ektivnosti v sovremennoy filosofii [Bases and Methods of Thematization of Intersubjectivity in Contemporary Philosophy]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 1, pp. 38–43.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.5.96

Tat'yana V. Fanenshtil'

Polzunov Altai State Technical University;
prosp. Lenina 46, Barnaul, 656038, Altayskiy kray, Russian Federation;
e-mail: fanenshtil.t.v@mail.ru

SOME FEATURES OF THE ANALYSIS OF EVERYDAY LIFE AND ITS CHARACTERISTICS IN SOCIAL PHILOSOPHY

This article examines the influence of various postulates and theses on the socio-philosophical analysis of everyday life and of its characteristics. To reveal the boundaries of the contradictory content of everyday life, the author suggests using paired comparison for the characteristics revealed in the process of applying various interdisciplinary methods. The static and dynamic characteristics of everyday life are compared (F. Braudel's structural method and A. Schütz' sociological phenomenology). In this opposition we, from the content core of everyday life, turn to the question of the role of a concrete subject in the reproduction of everyday experience. In the framework of M. Weber's interpretative sociology and I. Goffman's social interactionism, this question is problematized here along with the freedom of choice of a concrete subject and the personification limits under the reproduction of everyday experience. In spite of significant steps towards dynamization of everyday experience, when analysing it in its essential definition, we can see a tendency towards structural and static properties. E. Husserl's philosophical phenomenology, using intersubjectivity for the analysis of everyday life, also supports this relationship. M. de Certeau's theory of practices and J. Austin's theory of speech acts, on the contrary, deny contextual dependence of everyday life and claim it to be an invention, a usage. The author of this paper points out that the analysis of everyday life and its characteristics crucially depend on the applied socio-philosophical postulates and theses of related disciplines. Through the analysis of the characteristics of everyday life, this dependence allows us to examine the mutual dialectic conditionality of the processes which reveal the application scope of the above methods in the analysis of daily life and contradictory nature of its content.

Keywords: *everyday life, static characteristics of everyday life, dynamic characteristics of everyday life, everyday experience.*

Поступила: 08.09.2016
Received: 8 September 2016

For citation: Fanenshtil' T.V. Some Features of the Analysis of Everyday Life and Its Characteristics in Social Philosophy. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2017, no. 5, pp. 96–103. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.5.96